

Стоит человеку вступить на чиновничью стезю — без денег на подношения по карьерной лестнице не подняться. Видя, что ученики сомневаются, Сюй Фусы улыбнулся и неспешно пояснил: «Чтобы народу пользу приносить, надо на достаточно высоком месте стоять. А чтобы пользу эту долго приносить — жить нужно подольше».

Взяточничество и казнокрадство в управленческих кругах не искоренить никогда. Главное — научиться использовать их во благо, для достижения своей цели: ясного и процветающего правления.

Честный, но бесполезный чиновник, что только о судьбах сетует, и корыстному, но дельному слуге в подмётки не годится.

Ученики умолкли. Слова учителя звучали дерзко, но они не глупы — понимали, что он прав.

Е Цзысинь занял место напротив Сюй Фусы, взглянул на доску. «Учитель, можно партию доиграем?»

Сюй Фусы отставил чашку. «Можно».

Одному играть — не то что вдвоём.

Он велел ученикам убрать банкноты — не боясь, что те присвоят. Убрав деньги, те поспешили обратно наблюдать за игрой, восхищённо ахая.

«Брат Цзысинь и вправду силён — против учителя так долго продержался!»

Учитель был шахматным мастером из мастеров. Против него и полчаса продержаться — уже достижение. А Е Цзысинь с ним целый час играл.

Партия завершилась ожидаемым поражением Е Цзысиня, но Сюй Фусы его похвалил: «Заметно прогрессируешь».

Е Цзысинь убрал руку с доски и смиренно промолвил: «Учитель просто поддавался».

Сюй Фусы тихо рассмеялся. «Не поддавался».

За всю свою игровую практику он поддавался лишь двоим: Се Линю да отцу Су Вэйвэй.

«Ладно, — поднялся он. — Перед вашим приходом я велел приготовить ужин в честь успеха. Должно, скоро готово будет».

Когда он встал, взгляд Е Цзысиня сам собой упал на его пояс — там по-прежнему висел узелок мира, а не подаренная им нефритовая подвеска. В глазах на мгновение мелькнула тень, пальцы в рукавах сжались. Он наклонился и вместе с остальными учениками убрал доску, затем последовал в главный зал.

Ученики, довольные результатами, были возбуждённее и оживлённее обычного. Когда подали угощение и аромат достиг ноздрей, они вдруг осознали, как изголодались.

«Моя любимая тушёнка по-дунпо!» — глаза Ли Сяо загорелись.

«И моя любимая стручковая с мясом!»

«Креветки с рыбой, бамбуком и папоротником!»

«Бамбуковые побеги тушёные!»

«Персики в меду!»

...

В конце концов ученики с благодарностью взглянули на Сюй Фусы. «Учитель, вы так добры к нам!»

Столько вкусного! Хотя с приезда в столицу еда всегда была отменной, но чтобы столько любимых блюд разом — тут учитель постарался.

И вправду чудесно!

Сюй Фусы невозмутимо объявил: «Ещё кое-что есть».

Ученики: «Что ещё?»

Вскоре слуги внесли несколько кувшинов и сняли крышки.

Мгновенно зал наполнился ароматом вина. Молодые юноши, почуяв его, невольно сглотнули. «Вино?»

«Учитель! Нам можно пить?!»

С поступления в колледж Циншань они вина почти не касались — учитель запрещал. Кого застукают — наказание неминуемо.

Давно не пробовавшие хмельного, они смотрели на кувшины волчьими глазами.

Сюй Фусы велел подать чарки. «С сегодняшнего дня я вас больше не урезоню. Делайте что хотите».

Он наполнил чарку за чаркой, поставил кувшин и улыбнулся. «Только помните о долге своём. Первоначальных устремлений не забывайте».

Социализм — дело хорошее, слова Си Цзиньпина — истина в последней инстанции.

Он надеялся, что возвращённые им ученики смогут стать опорой для династии Янь, что всегда будут помнить изначальную идею служения: народу, стране, семье — а не ослепнут от корысти.

Он желал, чтобы они стали правой и левой рукой Се Линя, помогли ему выстроить Яньское государство ещё крепче. Тогда и ему, Сюй Фусы, не о чем будет жалеть.

Ученики приняли серьёзный вид. «Мы запомним наставления учителя. Будем служить стране и народу, всеми силами стараться на благо государства, в верности государю».

Праздник удался на славу. Опьянев, все показали истинное лицо — кто рыдал, кто смеялся.

Ли Сяо, уцепившись за Е Цзысиня, принялся жаловаться на физическую подготовку в первые дни учёбы — слёзы и сопли ручьём. Е Цзысинь высвободил руку и развернул его к другому. Ли Сяо не стал привередничать и тут же бросился в объятия товарища.

«Тяжело мне было, ох тяжело! — вопил он. — Я только на цзюйжэня рассчитывал, а родители заставили дальше тянуться. И вот те на — в первый разряд попал! Боюсь, как весть домой донесу — родичи с перепугу дуба дадут!»

«Надо обдумать, как сказать...»

«Да заткнись ты, скотина! Вечно ты лодырничал, учитель тебя наказывал — а ты взял да в первый разряд и влез! Ненавижу!»

«Чувствую, все годы, что родители меня растили, наконец окупилась! Отныне я — гордость нашего рода Гу!»

«Предков прославим!»

«Как же я учителя люблю! Не было у нас именитых конфуцианцев-наставников, а сдали лучше тех, у кого были!»

«Особенно брата Цзысиня поздравить надо! Как весть до семьи Е дойдёт — обзавидуются! Брат Цзысинь им пощёчину отвесил!»

«На дворцовом экзамене завтра чжуаньюанем непременно Цзысинь станет...»

«Моих родителей всё высмеивали, ик... А теперь я всем тем насмешникам покажу: нечего над моими родными зубы скалить!»

«А у нас в тех краях...»

Вино развязало языки, и все накопленные за долгое время обиды и горести выплеснулись наружу. Сюй Фусы сидел на своём месте, с улыбкой наблюдая за ними.

Он склонился к Е Цзысиню: «Не пьёшь?»

Тот взглянул на почти бесчувственных однокашников. «Кто-то же должен за ними прибраться».

Когда все окончательно вырубались, Е Цзысинь со слугами разнёс их по комнатам. Сюй Фусы велел кухне сварить похмельный отвар.

Когда зал опустел, Сюй Фусы налил вина и принялся неспешно пить.

В столице доброго вина — хоть отбавляй. А он выбрал самое лучшее.

Он и сам всегда был охоч до хмельного, человеком вольных нравов. Но, взяв на себя роль учителя, должен был сохранять ясность ума, исполнять долг наставника — и потому к вину прикасался редко.

На сей раз сдержаться не удалось.

Густое, словно нектар, вино стекало по горлу, обжигая. Вкус, взрывающийся на кончике языка, пьянил и восхищал.

Чарка за чаркой... Сначала он сидел чинно, смакуя, затем откинулся и пил уже без счёта.

Системы не было, Се Линь отсутствовал, ученики вот-вот завершат обучение. Ничто больше не сдерживало Сюй Фусы, и он предался воле чувств.

«Кажись, перебрал», — пробормотал он, потирая виски. В глазах заплыло, реакция замедлилась.

Всё тело словно погрузилось в патоку, руки-ноги отяжелели. Он пошатнулся и опустил голову на стол.

Ночь была густа, как тушь. Е Цзысинь разнёс всех однокашников по комнатам, растолкал, чтобы те в полудрёме отвар похмельный приняли, и лишь затем занялся собой.

От него сильно пахло вином, а чужих запахов он не выносил. К тому же, с вознёй той вспотел изрядно — отправился омыться.

Пар клубился в воздухе. Омывшись, юноша откинул влажные волосы за спину, облачился в свежие одежды зелёного шелка, подпоясался нефритовым поясом. Лунный свет струился сквозь щели в решётчатом окне, а тень его, отбрасываемая колеблющимся пламенем свечи, извивалась при каждом движении.

Волосы были ещё влажны, закалывать их не стоило — он оставил их распущенными по плечам.

Пора бы и в опочивальню возвращаться, но Е Цзысинь направился не туда, а в главный зал.

А в это время Ли Сяо начал приходить в себя. Он машинально потянулся к себе — и ничего не нашёл. Осознание заставило его окончательно проснуться.

«Где же мой ароматный мешочек?» — пробормотал он.

Он всегда носил его с собой.

Выпил он не так много, опьянел быстро, но и протрезвел скоро. Однако, в хмельном угаре орал он так, что теперь голос был хриплым, едва слышным.

Ли Сяо поднялся. «Неужели в зале застрял, где ужинали?»

<http://bllate.org/book/15951/1426293>